

АТААЛЛАХ
АРРАНИ

Лепестки
роз

ПЕРЕВОД ТЕОДОРА ШЦМОВСКОГО

Атааллах Аррани

Лепестки роз

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63630758

Аннотация

Теодор Адамович Шумовский – лингвист, востоковед, арабист, кандидат филологических и доктор исторических наук, поэт – человек удивительной и непростой судьбы. В числе одного из его главных творческих и научных свершений называют первый в России поэтический перевод Корана. Но есть еще одно, возможно менее известное, но от этого не менее важное достижение. Теодор Адамович Шумовский вернул нам творчество выдающегося средневекового поэта Атааллаха Аррани, жившего в XIV-XV веках второго тысячелетия нашей эры. Аррани был открыт Т.А. Шумовским в 1936 году, когда он, будучи студентом, приехал на каникулы в родной город Шамаху, где вновь и вновь бродил по любимым местам пока не оказался у полуразрушенной мечети, в полуподвальном помещении которой неожиданно для себя нашел стопку бумаг, аккуратно перевязанную шнурком. Это оказался сборник стихотворений неизвестного поэта Атааллаха Аррани. «Атааллах, прозываемый Ширвани, я родом из Аррана, поэт и ученый Ширвана, сказал, когда ему повелело сердце... Много сочинителей, сложили помногу книг, изучаемых многими

поколениями. Я, один из сыновей благословенной столицы поэтов, сложил всего одну книгу, которую прочтет ли хоть одно поколение». Строчки завораживали, словно приглашая притронуться к таинственной старине. За полтора года – с конца 1936 по 1938 годы Шумовскому удалось перевести большую часть трудов ширванского поэта. Но, в 1938 году, после ареста по ложному обвинению, сборник стихов Аррани и листки перевода с остальными книгами и конспектами бесследно исчезли. "Отчаяние не созидает. Кто хочет достигнуть своей цели, не должен позволять бесполезным чувствам торжествовать над разумом. Я решил восстановить "Лепестки" своей памятью, – вспоминал ученый. – Лучше всего я запоминаю, когда запишу, после этого мне уже не надо смотреть в записанное, чтобы его восстановить». Не нужно говорить, какой ценой это было достигнуто; здесь важен только результат, когда творение древнего ширванского поэта выходит ко всем ценителям и знатокам прекрасного, живущим в сегодняшнем мире. «Я мечтал об этом тридцать пять лет. Эту мечту я смог сберечь и тогда, когда моя земная тропа скользила над бездной... И, если эти лепестки золотой розы поэзии, сохранившие свою свежесть в течение пяти веков, станут спутниками души и переживаний разных людей во всем мире, это будет лучшей наградой труду переводчика". Т. А. Шумовский.

Содержание

Лепестки роз	6
Зарифа	7
Абу Нувас	9
Миниатюры о любви	15
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Атааллах Аррани

Лепестки роз

*Когда придет пора покаяться в грехах,
Скажу, что не одну, как повелел Аллах,
Три жизни прожил я: одну – в спасенье тела,
Другую – для любви, а третью жизнь – в стихах*

Атааллах АРРАНИ

Лепестки роз

Роняли

розы

Рубиновые слёзы,

А может быть,

благоухающую кровь.

Венцов томленья,

Цветов печали

Не соберут их чаши вновь,

За словом

слово

Свежо и ново

Роняю

в мавзолей стихов,

Упавших песен

Уж не поднимет сердце

Как не вернёт вчерашних снов.

Так начинается Аррани свою книгу.

Зарифа

Душе моей навеки свято
Сплетенье этих горных жил,
Былой реки засохший ил...
Смотрите! Здесь я жил когда-то
И здесь впервые полюбил.

...Травы верблюдам было мало,
В колодцах высохла вода,
И наше племя кочевало
По всей Аравии тогда.

У этих гор, где Антар-витязь
Впустил в пески поток реки,
Сказал нам шейх: «Остановитесь!»
С ним согласились старики.

Была у шейха дочь Зарифа,
Румянощёкая заря.
Коса чернее перьев грифа,
Глаза-бездонные моря.

Дика, горда и неподкупна –
Ты скажешь: лёд ее черты, –
Лишь мне она была доступна,

Лишь я срывал её цветы.

Сходила ночь на смену зною,
В объятьях, в сладостном бреду
Я видел день, когда женою
Я в свой шатёр её введу.

Но шейху на глаза попались
Однажды мы – и царь беды
Увёз её, и мы расстались.
Я шёл за ней, но потерялись
В песках пустынь её следы.

Товарищи трудов и бденья,
Ты, аль-Аля, и ты, Хишам!
Оплачем здесь любви томленья,
Ещё неведомые вам.

Исчезли утренние грёзы,
И тихо лью на склоне дней
Скупые старческие слёзы
Над гробом юности моей.

Абу Нувас

С чем виноградин сравнить намёки на несравнимость,
Абу Нувас?

Как будто юность их изваяла из песен жизни, Абу Нувас.
Едва коснёшься – и хмель проснётся и в жаркий пурпур
окрасит губы.

Как будто губы ширванских женщин, они пьянящи,
Абу Нувас.

Как будто кубок вина хрустальный, они прозрачны,
Абу Нувас

Как будто Земзем¹, как будто Каусар струят в них
сладость, Абу Нувас.

Прикосновенье родит желанье, как бы с губами сливая
губы.

Как будто груди моих любовниц, они округлы,
Абу Нувас.

Как будто звёзды в пучинах неба, они мерцают,
Абу Нувас.

В них шепот ветра, улыбки солнца, земная свежесть,
Абу Нувас.

Не прикоснёшься – жить не стоит, а прикоснёшься –
сгоришь от страсти.

Как будто бёдра моих наложниц, они упруги,

¹ Земзем – священный колодец в Мекке, Каусар – название реки, протекающей в раю.

В багдадский полдень, в тяжёлый жар,
Когда свернулся клубком базар,
Молчат, уткнувшись в лазурь, дворцы,
Под сказки дремлют в садах купцы.

Восток и запад спрямляют лук
По минарету ползёт паук,
Комар супруге поёт: «Ля-иль!»².
В кофейнях нищий глотает пыль.

Уходит Дигла³ в свои пески,
Ложится буйвол на дно реки,
И лишь, бросая в песок следы,
Бежит разносчик: «Кому воды!»

В багдадский полдень, в урочный час
Пришёл к халифу Абу Нувас,
Поэт придворный, певец вина
И женской ласки – любви струна.

Рукой прикрывши усмешку глаз,
Другую – сердца певучий саз⁴,

² «Ля-иль!..» начало призыва к молитве.

³ Дигла – река Тигр на которой стоит Багдад.

⁴ Саз – музыкальный инструмент.

Он сплёл из лести узорный бейт⁵,
Каких не слышал и сам Кумейт⁶.

Халиф поэта не услышал:
Он забавлялся с прекрасной Хал⁷,
Царь эфиопов ему прислал
В подарок этот бесценный лал⁸.

Невольниц властных слуга и бог
Холодным взглядом певца ожёг.

Упали тени певцу в чело,
Обиды чувство его сожгло.
Вскипело сердце – и тот же час
Дворец покинул Абу Нувас.

Но, полон думы о тех двоих,
Он на воротах оставил стих:
«Мой ненужный стих зияет посреди твоих дверей,
Как зияет ожерелье на любовнице твоей».

Прошло мгновенье – и страж донёс:
«Венцу вселенной – ничтожный пёс,
Твои ворота черней чернил:

⁵ Бейт – по-арабски стих.

⁶ Кумейт ибн Зайл ал-Асади (679-743) один из выдающихся поэтов раннего ислама.

⁷ Хал – «родинка», имя чернокожей рабыни.

⁸ Лал – рубин.

Нувас безумный их осквернил.

Ключу Сезама, презрев хвалу,
Поэт ослепший изрёк хулу.
Не знает страха! И чужд стыда!»
Халиф разгневан: «Подать сюда!»

Приказ исполнен – и в тот же час
Вошел в ворота Абу Нувас,
Но мимоходом, достав чернил,
Он букву в каждой строке сменил.

Халиф ломает любви кольцо,
Чернее бури его лицо.
«Печать шайтана, собачья кровь!
Так вот кому я дарил любовь!»

Пророк не даром – да чтится он! –
Из Мекки выгнал поэтов вон.

Клянусь: не будет тебе удач!
Молись аллаху: к тебе в закат
Прибудет, – волей моею свят,
За головою твоей палач».

Поэт смиренно простёрся ниц:
«О, свет в решётках моих ресниц,
Зенит ислама, звезда времён,
Копьё и панцирь земных племён!»

И смерть услада, коль бремя с плеч
Твоей рукою снимает меч.
Но, правоверных сердец эмир,
К словам аллаха склонивший мир,

Тебе известен удел певца:
Безмерна тяжесть его венца.
Глотая зависть, в годах враги,
Подстерегают его шаги.

Капризно слово: перевернуть
Его значенье – трудней вздохнуть,
Ты сам на надпись мою взгляни,
Потом – помилуй или казни».

Гоня внезапно восставший стыд,
Идёт к воротам Харун Рашид⁹
А там, как будто два голубка,
Прижались нежно к строке строка:

«Мой ненужный стих сияет посреди твоих дверей,
Как сияет ожерелье на любовнице твоей».

Поэт халифу к ногам упал.
Халиф поэта поцеловал.
«Ты- мозг поэтов. Но ты бедняк.
Клянусь аллахом – не будет так!

⁹ Харун ар-Рашид (786-809) – халиф из династии Аббасидов.

Ты был нижайшим в моей стране.
Теперь ближайшим ты станешь мне.
Врагам навеки закроешь пасть:
Тебе над ними дарую власть».

Он долго смотрит в глаза ему,
В рабе такому дивясь уму,
В ладоши хлопнул – и в тот же час
Осыпан златом Абу Нувас:

Повёл бровями- и в тот же час
Бессмертным назван Абу Нувас.
Потом простился – и в тот же час
Багдад покинул Абу Нувас.

Миниатюры о любви

Выпить всю тебя до дна?
Почему ты так хмельна?
Или розовое тело –
Отблеск алого вина?

«Так лежать, – шепчу тебе, –
Неприлично ведь тебе.
Ты позволь из поцелуев
Плотный шелк соткать тебе».

Вот эти гроздь и девушка – в них кровь

Одна и та же, ты не прекословь.
Один и тот же хмель нам сыплют, зрея,
И гроздь – в вино, и девушка – в любовь.

Ты меня свела с ума.
Ты мне воля и тюрьма.
Огляни свои красоты –
Всё поймешь тогда сама.

Твой отец, седой хаджи,
Разве мастер он, скажи?
Эти чаши и бутоны
Он ли выточил, скажи?

Кто творец, коль ты рассказ?

Кто связал в последний раз
Взлёт бровей, упругость бёдер,
Смелость губ и нежность глаз?

Виноградная гроздь, осенённая первым пушком,
Соловьиная песня над первым весенним цветком,
Серебристые капли ночной ароматной росы –
Это всё о тебе говорит мне своим языком.

Плыть, к тебе одной спеша!
Жить, тобой одной дыша!
Ты сама ещё не знаешь,
До чего ты хороша.

Вот здесь тебя впервые обнял я.

Здесь нас навек соединил Судья,
А это – след твоей лилейной ножки,
Когда ты шла с кувшином от ручья.

Я задал тебе вопрос:
«Больно жжётся пламя кос?»
Щёки розовые рдеют
В жарком золоте волос.
Научи, каким мне быть?
– Постарайся не забыть:
Полюби, чтоб стать любимым,
Будь любимым, чтоб любить.

К тебе, которой день и ночь молюсь,
Без разрешенья я не прикоснусь!»
Красавица подумала с досадой:
«Иль евнух ты, или глупец, клянусь!»

Слов у милой с губ не рви,
Ты в глазах ответ лови,
А взглянуть в глаза не смеешь –
Не достоин ты любви.

В море губ ты слов не рви,
Там растут цветы любви.
Коль до них не дотянуться –
Лучше к берегу плыви!

Я рассудка и слова в любовных делах не терплю.
Мне красавица – книга, где буквы я сердцем ловлю:
Я в румянце, во вздохе, во взгляде её и улыбке
Без ошибки прочту долгожданное слово «люблю».

Полузакрыв глаза, прильни, подруга,
Дай захлебнуться в губ твоих вине!
Мы через губы изопьем друг друга,
Я растворюсь в тебе и ты во мне.

Едва коснувшись моего огня,
Она пылает вся, как светоч дня.
Остановись мгновенье, ты прекрасно!
И ты в других переживёшь меня.

Ты вся горишь от ласк еретика.
Так вот где ключ от твоего замка!
Ты сбрось одежды, чтоб не запылала
На жарких бёдрах лёгкие шелка.

Низвергалась вода, покружившись в запруде,
На покорные губы, упругие груди,
На созревшие бёдра, тугие колени...
Почему я не влага прохладная, люди!

Струй побледневшие руки на розовом теле твоём,
Волн посиневшие губы на розовом теле твоём.
Солнечных зайчиков с милой ревниво сгоняя,
Вздохи зефира на розовом теле твоём.

Поток, любуясь, отражал тебя,
Нагую здесь он обнимал тебя.
Велик Создатель, сотворивший губы
Из этих волн, чтоб целовать тебя.

Тревожным сном – близка гроза –
Ночных цветов полны глаза,
И на ресницах спящей розы
Благоуханная слеза

Под кожей губ душистое прохладное вино.
Искрясь, переливается и пенится оно.
Но тем хмельней, чем девственной, свежей оно –
не странно ли?
Так ведь рассветным пурпуром оно сотворено!

Когда двоих сближаются уста,
Плетут венок у алой розы рта
Вино и мёд, желанье и покорность,
Огонь и вихрь, порыв и красота.

Надменна ты. Что ж, рань мне сердце, рань!
А ты, петля, строптивую аркань:
Охотник я, и мне наградой будет
За меткий взмах стреноженная лань.

Своей весны мне никуда не деть,
Дум о тебе в бесстрастье не одеть;
Пока тобой не овладело время,
Клянусь тебе тобою овладеть.

Я плыву по реке, где хрустальна волна,
Чтоб увидеть подругу. До самого дна
Буду в море искать я такие же волны:
Ведь в хрусталь их когда-то гляделась она.

Бесстрастно смотрит идол на тебя.
Не знает он, что нужно для тебя.
Ведь ты, живая, зреешь для живого
И мир живых мужает для тебя.

Ты- тайный плод у матери своей,
Не из законных ты её детей,
Ты рождена любовником – я вижу
По блеску глаз и свежести страстей.

Так помни...Слышишь? Вечером...Я жду.
В листве из грёз, в пылающем бреду
Хмельную гроздь созревших поцелуев
К своим губам склони в моем саду.

Мать задумалась, склонившись над малюткой, глубоко.
Мир глаза её не видят, хоть раскрыты широко.
Из груди благоуханной в рот уснувшего младенца
Жизни каплями стекает и щечочет молоко.

Она дитя своё целует не потому ли, что нежна?
Она любимого целует, когда желания полна.
Когда ж она завидит старца, исходит холод к ней на губы:
Целует старость безмятежно, лишь из почтения она.

Вёсны мои, песни твои – где?
Алость крови, ярость любви – где?
Иглы речей, игры ночей, встреч и разлук пестрый ручей,
Мускулов сталь, сердца хрусталь – где?

Как только любовницу-розу введёшь в положение жены,
Исчезнет её обаянье, умрёт острота новизны,
Слиняет кипящая злость, взыграют и ревность и
алчность,
Врагом веснопений предстанет былая богиня весны.

Где спрятана тайная грань,
Меж детством и юностью грань?
Когда угловатый подросток
Врастает в точёную лань?

Вливается юности кровь –
Врывается в сердце любовь.
Её ты умом не обнимешь,
Себя для неё не готовь

К ноздрям зенита раб-восток
Вздывает солнечный цветок.
Всю глубину и синь зенита
Творец для глаз твоих совлёк.

Восходы стыдливым румянцем зови
Услышавшей первое слово любви.
Румянцем при вести о первой измене
Тяжёлые краски закатов зови.

С темницы дня упал замок,
Струится золотом восток.
На розовой груди рассвета
Трепещет огненный сосок.

Мы пьём вино, созревшее давно,
Коль полюбить нам в юности дано.
Но поздняя любовь созревшим людям
Щекочет кровь, как свежее вино.

Любви всегда сильна над нами власть,
Всем возрастам её годится снасть.
Вопрос лишь в том, что женщину привяжет
К тебе сильнее – рассудок или страсть.

Ум не советчик нам в любви,
Но будь разборчивым в любви,
Стыдись, когда тебя не любят
Достойные твоей любви.

От губ твоих не оторваться, нет.
К другой уже не перебраться, нет.
Пусть полон мир изысканных красавиц –
Мне на земле тебя дороже нет.

Долго ль мне пытаться свить
Из одной шерстинки нить,
И на ложе одиноком
Тело юное томить?

Всё на тебе размечено огнём.
Закрой глаза забудешь обо всём.
Мы это первых наслаждений ложе
В себе до дней последних пронесём.

Опустошен, отвергнут, нелюбим.
Ужель твой ложный стыд непобедим?
Я превращу себя в твои одежды,
Чтоб прикоснуться к тайнствам твоим.

С ночных небес – кто ведает, куда? –
Рассвет сгоняет звёздные стада.
Ты стала здесь желаннейшей из женщин,
Ко мне с небес упавшая звезда.

Все звёзды мира, горние луга –
Из ожерелья милой жемчуга,
И свет её рассыпанных жемчужин
Маяк путям и друга и врага

Постарела. Не стало огня,
В сердце – стужа осеннего дня.
Но в глазах золотые безуминки
И сегодня тревожат меня.

Сонмы звёзд – какая им цена:
Это жемчуга морского дна?
Или это угли из жаровни
Невзначай рассыпала луна?

Твоя любовь – целительный бальзам.
Я обнимал и волю дал слезам,
Я сжал тебя, – а ты, тебе не больно?
Пожалуй, нет, я вижу по глазам.

О любви не говори,
Слов ненужных не дари.
О любви мне скажет тело
Цвета утренней зари.

Учёный за столом в раздумье морщит бровь.
Поэт вливает в стих свою живую кровь.
Учёным для трудов нужны покой и книги,
Поэтам для стихов – тревога и любовь.

Коснулся я губ, что пьяней вина,
Смятением и счастьем душа полна.
«Но что же один поцелуй? Ничто!» –
Сказала, смеясь, она.
Как, женщины, ваша любовь хмельна!

Второй поцелуй не достал до дна.
Заметила дерзко: «Казалось, щедр,
А вижу – ты скуп!» она.
Я в третий раз к тем устам приник,
Я долго пил их живой родник;
Вздымался, дышал тяжело и ник
Пылающе-нежный лик.

Жизнь коротка и жизнь одна у нас.
Как странно всё! К чему ж нам пламень глаз
И в ночь любви и в день кровавой битвы,
Что шум пиров и вдохновенья час?

Нет, божью мудрость восхвали усердно:
Пред сенью погребальных покрывал
Творец земли и неба милосердно
Нам страсть и память в утешенье дал.

В часы объятий вздрогнул. «Что ты?» – тревожно
молвила подруга.

– «Два савана, мне показалось, скользя, касаются
друг друга.

Да прочь! Покуда кожу греет живая розовая кожа,
Не на холодный саван склепа, а на вино она похожа».

Года о любви не заставят забыть.
Запретам и мукам любви не убить.
Живые, созревшие в солнечном мире,
Любили и любят, и будут любить.

Любовь бессмертна. Огненная кровь
В живых её рождает вновь и вновь.
Она- венец стальным и чистым душам:
Чем круче жизнь, тем сладостней любовь.

Прошли за годами года
Терпенья, тоски и труда.
Но если бывал ты возлюбленным, друг мой,
О них не жалея никогда.

Расцвела, как хмельная весна,
И всегда беспричинно одна.
Для кого ты себя бережёшь?
Или молодость наша вечна?

Да, ты придёшь – ведь я терплю и жду.
Мой ум да сгинет в губ твоих мёду,
Да изольёшь свое благоуханье
В моём весной заснеженном саду.

Мы в старости – наложники тепла:
Теплом ласкаем дряхлые тела –
Не потому ль, что молодость когда-то
Нас поцелуем трепетным ожгла?

Вспоминанье! Ты желанный друг,
Когда твердишь о прелестях подруг.
Но ты мой враг, когда докучно шепчешь,
Что всё прошло и жизни замкнут круг.

«Люблю!» – и слова нет другого, нет!
И вихрь, и солнце в этом слове... Нет!
Выздоровленье друга... Нет же! Освобожденье
из темницы...
Ах, ничему с любовным зовом век не сравниться,
нет!

Ты чаю мне, трактирщик, приготовь:
Нам говорят, что он волнует кровь,
Что может быть и крепким, и горячим,
И сладким он, как женская любовь.

Не тебе ли пятнадцать исполнилось только вчера?
В полукружьях упругих тебя изваяло Вчера,
Но совсем не умешь еще распалать, прижимаясь!
Почуйсь у сестры, и меня научившей вчера.

Целуй! – пока пылаешь, вся дрожа.
Целуй! – пока твоя любовь свежа.
Целуй! – пусть нам завидует монашка
И постаревший в юности ханжа.

Ты вся дрожишь в моих объятьях, лал.
От холода? Но ты пылаешь, лал.
От страха? Но на этом страстном ложе
Еще никто пока не умер, лал.

Кого стыдишься ты? Меня? Но я – ведь это ты!
Я – отражение твоё и тень – почувствуй ты!
Я – отблеск роз твоей весны, отсвет заветных дум,
Я – отзвук сердца твоего – зачем стыдишься ты?
Я – нежность роз твоей весны: в глаза мне погляди.
Я – пламя роз твоей весны: мне в сердце погляди.
Я – запах роз твоей весны: так пахнут думы о тебе.
Я – трепет роз твоей весны: на губы погляди.

Невольник, рвущий ярмо на части,
И честолюбец, достигший власти, –
Никто не счастлив так упоённо,
Как два влюблённых на ложе страсти.

Подумал друг, что любим,
Что ты правдива хоть с ним.
Ты, усмехнувшись, легла
На ложе друга с другим.

Ты чему улыбнулась в девичьем предутреннем сне –
Не своей ли приплывшей на розовых крыльях весне?
Своему ли младенцу в далёком и тёмном грядущем?
Иль тому, что пришла наконец к неуёмному мне?

Ты склонила на стол сеновалы янтарных волос.
Наступили раздумье, и мрак, и мерцание рос.
Предзакатное небо на синюю скатерть залива
Уронило шафран и тяжёлое золото кос.

На подушке разметался чёрный мрак волос.
Это ночь, она уходит под крутой утёс,
Потому что в сне под утро на устах твоих улыбка –
Вестник дня, который светел и звонкоголос.

Седина... Где смоль кудрей? Неужели это ты?
Тусклый взор... Где блеск очей? Неужели это ты?
Где, скажи мне, стройный стан, лебединые движенья?
Где огонь твоих страстей? Неужели это ты?

Как мы постарели, я и ты,
От слепой житейской суеты!
В узком горле душного кувшина
Умирают яркие цветы.

Та женщина, с которой миг побыть
Достаточно, чтоб сердцем не забыть.
Она желает вечно быть желанной
И никогда не может не любить.

Нам целовать чужих запрещено.
Хмельные губы шепчут: «Всё равно!»
Звенит хрусталь, и пламенеет жарко,
Переливаясь искрами, вино.

Иступлённые ласки твои!
Нарочитые ласки твои!
Ах, они у разумных сердец
Холодней, чем касанья змеи.

Ты оставила юности нежный и огненный взгляд,
Ароматного тела налившийся свежестью сад.
Почему не вернёшься за ними? Растащат девчонки!
Неужели так скоро забыла дорогу назад?

Пылай, безумствуй, ласками пои!
Я выпью всё. Другому не таи!
Вот трон для страстных, вот мои колени.
А эти чьи? Мои или твои?

Умчалась юность в мир теней
Угнаться сможет ли за ней
– О, если бы смог! – крылатый бег
Летящих взапуски коней!

Две половинки губ – не так ли мы неразлучны? –

ВОТ КТО МЫ.

Мы два зрачка, два чутких уха, пупок и копчик –

ВОТ КТО МЫ.

Две обнимающих руки и два бедра, кипящих страстью,

Два розовых куста и пчёлы сосков на каждом –

ВОТ КТО МЫ.

Льется струя огня.

Чашу к себе склоняя,

Губы, глаза и руки

С жадностью пьют меня.

Душа сомненьями полна,

Меж ними мечется она.

Из моря в море беспокойно

Переливается волна.

О, сколько на губах следов остывших губ!
Прохладно-нежных губ! Сухих и жарких губ!
Доверчивых и злых, тоскующих и страстных,
О, сколько губ легло на ложе этих губ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.